

Михаил СОРОКИН

ДЕД, САРАЙКА И МОПЕД

Р а с с к а з ы

Дед, сарайка и мопед

У моего деда во дворе стояла сарайка. Такая простецкая, как делали раньше, — из досок, покрашенных половой краской.

Мне всегда казалось, что она не стоит на земле, а торчит из нее верхушкой, с силой выдавленная снизу и уходящая корнем куда-то глубоко в недра. Поэтому я долго боялся заходить в нее, представляя себя падающим в тартарары.

Потом-то, конечно, понял, что внутри сарайки закопана полутораметровая чугунная банка — кессон, куда часто спускался дед за солеными огурцами и квашеной капустой. Я иногда помогал донести до квартиры самую маленькую, пол-литровую баночку, а он, нарочно смешно кряхтя, тащил трехлитровую, обхватив ее правой рукой.

— Догоняй, гусенок лапчатый! — кричал он мне уже от подъезда, и я что было сил ускорялся.

Дед любил похрустеть. Он и меня научил: я хватал из тастика горсть капусты, сколько влезало в ладошку, а потом поднимал груз, поворачивал руку, как стрелу башенного крана, и под его, крановщика, крики «Майна!» скидывал себе в рот. Потом он вылавливал своей ручищей самый кривой огурец в банке и на обратном пути застревал.

— Попался, гусь лапчатый! — дразнился я, а дед упорно крутил рукой и, победоносно достав пупырчатый припас, совал его мне под нос:

— Попробуй-ка! — И сам тут же наворачивал его так, что уши ходили ходуном.

Нет, это были ушищи! Как живые! Я смотрел на них и катался по полу от смеха, а дед еще задавал жару — громко откусывал, хрумкал и приговаривал голосом Карабаса:

— А-а-ахр-рм! Мы молодцы — жрем огур-р-рцы! А Артамоны — жуют лимоны!

Веселуха.

Дед тогда еще был молодой. А я уже не детсадовский, но еще и не ученик. Перед самой школой, в августе.

Дед работал сменами в депо, поэтому меня иногда привозили к нему в его выходной день, где-нибудь на неделе, — чтобы он «посидел» со мной.

В первые разы он немного злился оттого, что не мог отвертеться, а может быть, притворялся или делал это для порядка. И я не прыгал от счастья — в предчувствии ТВ-новостей вместо мультиков, запаха старых газет из чулана и нудного стука маятника советских часов. Эти часы... Я, конечно, помню их необыкновенно красивыми: из желтого дерева под лаком, точно шкафчик, но они вызывали страшную тоску своим тиканьем. Если бы я был судьей, то эти часы сидели бы у меня на скамье подсудимых по статье «скукотень смертная». Я бы заставил их тикать мне заставку из «Черного плаща» или вообще... остановил бы время.

Еще и бабушка Аня на работе. С ней бывало повеселей. Она служила в милиции капитаном.

— Ладно, варвары, так и быть, посижу, — ворчал дед.

Я знал — он очень любил днем подрыхнуть и «посушить харю» перед телевизором, если в сарайке переделал все дела.

— Батя, смотри, тут тебе курево. — Мой батя протянул деду пакет с «Примой» и какими-то контейнерами. — И Михин хавчик, чтоб тебе не готовить. Игрушки еще.

— Табак давай, а это не надо. И это не надо. — Дед не отличался многословностью. — Хотя нет, это надо. — И достал мои машинки.

Я обрадовался.

— Вечером заберу тебя. — Батя потрепал мою макушку, легонько щелкнул по носу и развернулся, но, когда уже выходил, «застрял» в двери.

— Ну чего, придумал? — обратился он к деду, имея в виду подарок тому на юбилей, который ожидался недели через полторы. — Что-нибудь для рыбалки? Может, новый бур?

— Зачем мне еще один бур? У меня хороший, хоть и старый. Сейчас дрянные делают. Сын, давай потом, я еще не придумал.

У деда и правда имелся замечательный ледобур — синий, с деревянной ручкой и точеным шнеком. Он мог часами его скоблить. Подтачивал ножи, смазывал. Сдувал пылинки, одним словом, как и с любой своей вещицы. Нет, второй ледобур ему точно был не нужен.

А вот я уже подарок приготовил. В садике нарисовал открытку. На ней дед в своей узкополой кожаной шляпе, как ковбой, сидел верхом на мопеде, держа правой рукой руль, а левой — красный флаг. Наверное, поехал на войну. Папе понравилось, правда он предложил переделать флаг в саблю, но я отказался.

Мы позавтракали, а после включился телек... До самого вечера.

Несколько раз дед таскался в свою сарайку покурить, когда уставал от хоккея, новостей и Капицы¹. Я забирался на подоконник и наблюдал

¹ Капица Сергей Петрович — ученый-физик, популяризатор науки, автор и ведущий советской и российской научно-популярной телепередачи «Очевидное — невероятное», выходившей с 1973 по 2012 гг.

за тем, как он пересекал двор, уморительно поддегивая брюки запястьями. Ее хорошо было видно из окна — сарайку с распахнутой дверью. Из нее клубами валил голубоватый дым. Как будто деревянная башка дракона высунулась из-под земли глотнуть воздуха и вот-вот чихнет или рыгнет пламенем.

Но я-то уже знал, что этот дракон — просто кессон.

Может, в ней и не было теперь ничего любопытного, но тогда зачем дед пропадал в ней? Все-таки, что-то было там.

На следующий, опять «дедовский», день я взбунтовался и потребовал, чтобы дед во что бы то ни стало показал мне свои сокровища.

Странно, но тот как-то быстро согласился, хотя и посопротивлялся для порядку. Он отпер дверь и заговорщически обернулся ко мне:

— Только никому не говори...

Дед умел интриговать.

— А почему? Что там?

Внутри зияла чернота. Глотка. Того самого дракона.

Щелк. Повернулся тумблер. Нутро зажелтело.

Ничего себе... Справа у стены стоял блестящий новенький мопед. Так вот она — игрушка деда! И на моем садииковском рисунке несся вперед именно мопед. Вот это совпадение! Одинокая лампочка искрилась в хромовых крыльях, выписывала контуры синего бензобака и рисовала идеальной плавности линию выхлопной трубы. А эта фара... М-м-м!

Но это все говорю уже я взрослый. А тогда я просто обалдел, и все. Ах, да! Эта фара... Не фара, а драконий глаз со спидометром.

— А? Как тебе? Так-то... у меня его еще пока нету, мопеда-то. Не скажешь никому?

— Не знаю еще, — засомневался я в себе на всякий случай, так как ничего не понял, но кое-что задумал.

Потом он мне рассказал, что это бабушка наша Аня подарила ему мопед, дней за десять до шестидесятилетия. Ну правильно, а где бы она его хранила — у себя в детской комнате милиции? Просто дала имениннику посторожить свой подарок в сарайке, чтобы вручить когда надо... Так вот почему он бродил туда-сюда все эти дни! Все понятно. Наверное, любовался и предвкушал, представляя себя ковбоем.

Дед отодвинул меня в сторонку и завел дракона, дрыгнув вниз ногой, одновременно газуя. Голубой дым мягко застелился по земле возле сарайки.

— Прокати, деда, — я наконец понял, почему засомневался и что задумал. — Тогда никому не расскажу.

Последнее можно было и не добавлять, потому что он уже выкачивал коня на травку.

Мы прокатились вокруг вокзального сквера, на котором стоял типовой бронзовый Ленин, указывающий путь. Я хоть и сидел впереди, почти на бензобаке, но из-за елок по периметру видел только кепку вождя и ладонь. Потом свернули на Десятку (улицу Десятой годовщины

Октября), куда он указывал, и доехали до самого Дома культуры. Развернулись, и на обратном пути дед решил поддаться газку. Я, как и он, тоже держался за руль. Приятное ощущение звериного напора ни с чем было не сравнить: этот зверь подо мной, он подчиняется мне. Впереди его рога и каплевидный драконий глаз, подрагивающий в такт неровному асфальту. Я представил, что мои волосы могли бы красиво развеяться. Эх, если бы немного подлиннее! У деда тоже короткие, еще и под кожаной шляпой.

На кураже дед выкручивал рукоять чуть ли не до отказа, театрально подгазовывая и вопя мне на ухо:

— Едет де-е-ед — искать об-е-ед!

Я хохотал и не слышал своего смеха из-за ветра в ушах, но от этого мне становилось еще веселее, и я уже просто кричал «а-а-а!», глотая комаров и встречный поток ветра.

Перед нами оставался последний поворот во двор...

Несмотря на скромные размеры хрущевки, за столом собрались все наши родственники. Дед, как дон, восседал во главе. В профиль он и правда очень напоминал сицилийского крестного отца: то ли мощным носом, то ли благородной сединой. Хотя он выглядел чуточку виноватым, потому что после той нашей чумовой поездки получил-таки по своей кожаной шапке.

Если бы не тот дурацкий поворот...

Батя подтолкнул меня под локоть:

— Ну, давай!

Я встал и подошел к деду.

— С днем рождения, деда! Смотри, мы с тобой команда. — Я протянул рисунок. На нем дед в узкополой шляпе, верхом, как ковбой лошадю, лихо управлял мопедом, а впереди на бензобаке сидел подрисованный я...

— Команда ух-х-х! — У него чуть-чуть заблестело под глазом.

Я залез к нему на колени и погладил по загипсованной руке, согнутой и жестко прибинтованной к телу.

— Желаю тебе, чтобы она обратно приросла к ключице.

— У стариков заживает медленно. Но ничего, срстется, куда ей деваться.

Деда не сильно ругали. Отчитали, как хулигана, и решили, что перелом и так достаточное наказание. Даже слишком. На мне ссадины зажили быстро, и на этом все успокоились.

Дед крепко обнял меня здоровой рукой и тихо сказал:

— Покатаемся еще.

СЖД

Однажды дед позвал меня с собой навестить нашу бабушку. Мы с ним редко ходили куда-нибудь вдвоем, тем более по его инициативе. Поликлинику я посещал часто, как и любой двенадцатилетний ребенок, а вот в больницах не бывал ни разу.

Бабушку положили в железнодорожную. Путь туда лежал через вокзал. Мы шли, и дед показывал плоды своей работы. Все металлические штуки, что попадались и бросались в глаза, — варил он. Перила, уголки, стойки. Дед считался авторитетным сварщиком и везде подтверждал свое мастерство буквенным клеймом. Так делали кустари в царское время. И дед — в советское.

Мы вышли на перрон. С левого торца вокзала, между большими арочными окнами, висела деревянная вывеска «Парикмахерская».

Стригли на втором этаже, и, чтобы попасть туда, нужно было забраться по наружной бетонной лестнице из десяти ступенек. Меня водили делать «канадку», и я гордился тем, что, поднимаясь, все без исключения десять раз читали мою фамилию: на чугунном обрамлении каждой ступеньки стояло именное дедовское клеймо. Мне нравилось представлять себе, что это десятикратное заклинание помогает человеку преобразиться.

Парикмахерская находилась в бывшей привокзальной церкви Николая Чудотворца. Купола после революции снесли, и обезглавленный храм перестал выпирать над другими зданиями. Он лишь продолжал причудливо украшать вокзал своими кокошниками, на которые уже не обращали внимание. Без главок с крестами декор снисходительно воспринимался как легкий и допустимый атавизм. Все давно забыли о церкви. Да никто и не думал о ней. Все считали, что так и надо. Парикмахерская и парикмахерская.

Я и сам узнал о храме, только когда его восстановили в начале нулевых. Теперь в нем крестят, служат, и никто не верит, что лет тридцать назад народ ходил сюда совсем за другим.

Мы шли дальше по асфальтированному перрону вдоль низких окошек магазинчиков и ларьков. Они косовато глядели и скорее отпугивали, чем привлекали покупателей. Дальше стояла почта с ростовым серебристым Лениным у входа. Потом квадратное здание с ржавым балконом по всему периметру. Я всегда мечтал пробежать по нему, касаясь каждой из четырех стен.

Асфальт заканчивался, и начиналась тропинка, посыпанная гравием. Она сменялась утоптаным грунтом и травой, странно зеленеющей среди мазута.

Мы шли мимо старого пакгауза и ангаров с колесными парами. В этой железной промзоне люди находились по необходимости и чувствовался, несмотря на лето и солнце, опасный холод, как в подвале или на чердаке жилого дома. Здесь мне еще не приходилось бывать, но ничего такого, что бы меня удивило, не попадалось. Местами торчали аккуратно сложенные железобетонные опоры и сверкающие обрезки рельсов. Черные деревянные шпалы валялись как попало. Этого добра хватало везде. Я осматривался и залезал куда только мог в поисках чего-нибудь любопытного. Дед не запрещал и не нервничал. Никаких заборов и преград не существовало.

В самом конце, после здания Дистанции пути², нужная нам дорога резко поворачивала направо. Дед взял меня за руку, и мы закрипели

² *Дистанция пути* — структурное подразделение железных дорог, основной задачей которого является содержание объектов путевого хозяйства в надлежащем состоянии.

по сухим доскам, уложенным на шпалы почти вровень с рельсами. Я насчитал целых семь железнодорожных путей. Обычно поезда сновали туда-сюда и уж хотя бы один состав обязательно приходилось пережидать. Но не сегодня. Я чуть-чуть не поспевал и запинаясь за некоторые рельсы, которые торчали из настила и не попадали в мой ритм.

Наконец, показался красный кирпичный фасад трехэтажной больницы.

Бабушка слегла с камнями в почках или еще с чем-то таким в чем-то еще. Не помню точно. Я тогда удивился. Капитан милиции — и в больнице. Это мне казалось нелепым событием. И пугающе новым. Она никогда не болела. Или болела, но незаметно.

Мы остановились в вестибюле, и дед вызвал ее по телефону.

— В палату нельзя, говорят. Пойдем сядем.

У стены стояли точно такие же кресла, как в Доме культуры, — жесткие и с поворотными сиденьями. Мы сели в них, и я устался на бугристую стену неизвестного мне цвета.

Все казалось непривычным и чужим. Я представлял себе больницу по-другому. В моем воображении больная должна была лежать, как мумия, в бинтах и с поднятой ногой на веревке. Рядом — обязательно инфузионная стойка и дефибриллятор. Ослепительно белая палата. Мы за стеклом, а потом с разрешения врача — у койки. Все как в кино.

На деле бабушка уверенно шагала навстречу нам по слабо освещенному коридору. Так уверенно, словно она врач, а не больной. Тряпочные тапочки бесшумно шелестели по линолеуму. Обычно она носила черные туфли и вдалбливала квадратные каблуки в любое покрытие, хоть в бетонные плиты.

Вместо погон и строгой серой формы — светло-голубая пижама, вся в складках и в аленьких цветочках. Отсутствовало что-то еще, очень важное. Я пока не мог понять, что именно.

Бабушка стеснялась выглядеть как обычный больной человек. Ее это тяготило. У нее ничего нигде не болело, я уверен. Во всяком случае, она могла приказать этой самой боли исчезнуть хотя бы на некоторое время. Бабушка находилась в чужой тарелке и еле терпела свое уязвимое положение.

Она приблизилась. Я понял, чего не хватало: кобуры на ремне. Вместо него болтался завязанный спереди тканевый пояс.

Она не ожидала увидеть меня, потому что дед не предупредил, что придет не один. Он любил делать сюрпризы. Бабушка их не любила.

— Почему не сказал? — спросила она его.

Они обнялись одновременно нежно и сухо.

Любые неожиданности, приятные или не очень, вызывали ее негодование. Правда, оно быстро улетучивалось. Бабушка старалась держать все под контролем, и любые изменения вызывали в ней тревогу. Может быть, это и есть профдеформация.

— Ну и что? — ответил коротко дед. Это «ну и что» всегда, как и в этот раз, ставило точку в любом вопросе.

Она обняла меня, расцеловала и, обрадовавшись, все равно недовольно зыркнула под козырек дедовой кепки, прямо внутрь его глаз. Очень глубоко. Она так умела. Без такого взгляда сложно работать в детской комнате милиции. Я был пару раз там и видел глаза посетителей этой комнаты. В таких глазах обычному человеку неуютно.

Дед отдал ей авоськи с фруктами, печеньем и Пикулем. Пока он показывал, что где лежит, они успели поговорить обо всем на свете. Я слушал их. Оказывается, дед приходил накануне. Она спрашивала, завтракает ли он, не курит ли в туалете. Он отвечал, что завтракает и, боже упаси, не курит.

Еще спросила, не воевал ли он с кем без нее. Сказал:

— Нет.

Спросила меня то же самое про деда. Я сказал:

— Нет. А я — да.

— Ну и с кем?

— Ну там, в классе.

Я рассказал им историю о том, как не поделил маленькое место. Во время большой перемены все неслись в столовую и зашвыривали портфели куда попало вдоль стен. Я тоже делал как все, но старался не кидать, а аккуратно забросить. Отыскав свободную нишу среди сваленных сумок, я втиснул свой рюкзак, не заметив рядом чей-то еще. Потом оказалось, что его владелец — второгодник из нашего класса со странным прозвищем Джон Кровавое Яйцо.

На самом деле его звали Женя Крутов, и он один или два раза попадал в детскую комнату милиции. Бабушка знала его и спросила, зачем я связываюсь со всяким хулиганьем. Я и не связывался. Просто ему не понравилось, что мой рюкзак занял место его сумки, и он сказал:

— Пойдем выйдем!

Я согласился, и мы пошли и вышли.

Сначала просто толкались. Этим могло все и закончиться, но появились старшеклассники, и мы покатались клубком по крыльцу. Надо же показывать дело.

Почти сразу нас растащила учительница математики и под смех и улюлюканье поволокла за воротники в школу. В вестибюле нам с Джоном устроили недолгую выволочку, и мы пошли на урок. С тех пор стали дружить.

Бабушка немного поохала после слов о дружбе, покачала головой.

— Вообще, Крутов неплохой. Семья только не очень, — сказала она.

Мы посидели еще немного, сложив руки на коленях. Я ел бананы и печенье «Вагон Вилз» из бабушкиного пакета.

Она снова спросила деда:

— Точно не впутывался никуда?

Дед часто ввязывался в разные потасовки. И по делу, и просто так. В молодости он занимался боксом и числился шпаной. Может быть, таким образом он теперь ностальгировал по юности или пытался наверстать то упущенное, чем мог заниматься, если бы не встретил в своей жизни

такую бабушку. Вряд ли он мог представить, что она станет милиционером. Сначала она работала учительницей начальных классов.

Дома он не скандалил и не задибался. А на работе — частенько. Или просто во дворе. Дед почему-то многие вопросы решал кулаками. Не все, конечно. Странный дед.

— Нет! Сказал же. Других дел хватает.

У него имелся на холодильнике длинный список дел, который оставила бабушка. Он сменами пропадал на работе, потом ездил в огород, а остальное время возился в сарайке с «Верховиной». Мопед стал часто ломаться, но лес и река не станут ждать — самый сезон. И все это не входило в список.

— Обещай — пока меня не выпишут, чтобы никуда не лез.

— Куда?

— Обещай!

Дед поклялся вести себя хорошо и «делать дела из списка».

Посидев еще немного, бабушка сказала:

— Мне пора на ужин.

Мы все трое обнялись, и у них еле заметно заблестели глаза. Интересно, думал я, в каком возрасте появляется эта неременная прощальная слеза. Завтра они опять увидятся.

Мы с дедом за руку снова подошли к полотну. Перед нами прошел, сбавляя скорость, пассажирский поезд Челябинск — Санкт-Петербург. Следом медленно приближался грузовой состав. Его хвост терялся вдаль.

— Это надолго, — сказал дед и закурил. — Опасный груз.

— Почему опасный? — спросил я.

— Все горит, все взрывается. Если спичку внутрь кинуть.

Он часто озвучивал свои хулиганские штучки, на этот раз они были пироманские.

— А если не зажигать? Спичку.

— Тогда не опасный, а обычный, как все.

Я рассматривал красивые цистерны цвета серебристого Ленина. На боку у каждой тянулась широкая желтая полоса, надпись «Химгруз» и виднелся какой-то логотип с крылатым колесом, кувалдой, разводным ключом и аббревиатурой СЖД.

Вагоны сливались в одну бесконечную тяжелую колбасу. Я сопротивлялся и старался зацепиться взглядом за какое-нибудь отличие в цилиндрах. Находил грязное пятно и прилипал к нему. Потом искал другое. На одной из цистерн кто-то перечеркнул логотип СЖД, и я провожал крест, гадая, почему и кто выбрал мишенью эту бочку с химгрузом.

— Это «эсждэ» означает «Советские железные дороги», — сказал дед.

— Пацан, не слушай его, — послышались сквозь шум поезда чьи-то слова. — Это не «Советские железные дороги».

Мы оглянулись. Сзади стоял человек примерно возраста деда, лет пятидесяти пяти — шестидесяти, тоже ожидающий конца состава. Он курил, держал руки в брюках, покачивался и имел наглый вид.

— Чего-о? — протянул дед.

— Северная. Железная. Дорога.

— Ты что мелешь? — На лице деда зашевелились желваки. Наверное, в тот момент у него внутри закипало нечто подобное тому, от чего в свое время извергнулся Везувий. Тогда погибло несколько городов. — Тебе откуда знать?

Человек ничего не ответил, а демонстративно сплюнул себе под левую ногу и продолжал водить глазами за каждым вагоном. Дед отвернулся, чтобы сильнее не раздражаться.

— Северная! Дятел пестрожопый, — заворчал он и добавил громко: — Северная — это «Севжэдэ». А «эсжэдэ» — советские!

Советский Союз три года как исчез, но многие составы ходили с прежними маркировками.

Человек подошел к нам. От него несло сразу и алкоголем, и соляжкой, и луком.

Я смотрел на деда снизу в предвкушении чего-то такого... Или изысканной матерщины, как он умел, или резкого апперкота. Ноздри его с торчащими седыми волосами раздувались. Дед стал похож на вагон с опасным грузом, в который летит спичка.

Человек вонял и молчал.

Если бы рядом не стоял я, если бы он не позвал меня в больницу устроить сюрприз бабуле, дед точно бы дал в рыло спорщику. «У противника — рыло, и никак иначе» — так он говорил.

Показался последний вагон состава, и я шагнул вперед, уводя за собой деда. Он ведь обещал вести себя хорошо и не ввязываться ни в какие дела.

Мы пришли в наш двор, и он сразу направился в сарайку, которая служила и гаражом, и кладовой, и мастерской.

— Я сейчас приду. — Он дал мне ключ от квартиры. — Мне надо там...

Я взял ключ, но поплелся за дедом. Он только сказал:

— Ладно. Пошли.

В углу висела старая, потрескавшаяся груша на цепях. Она жутко покачивалась, как чья-то туша, в остатках света тусклой лампочки, еле до нее дотягивающегося. Не сарайка, а место силы.

Дед скинул ветровку на мопед и повесил на руль кепку. Оставшись в одной рубашке с коротким рукавом, он поддернул брюки и встал в стойку. Перчатки висели на гвозде, но дед принялся колотить грушу голыми руками, без злости и остервенения, технично и красиво.

— Падла!

Я представил, как дико заикал воняющий человек. Вбивая кулак в коричневую массу, дед приговаривал:

— Эсжэдэ! Эсжэдэ! Эсжэдэ!